

масс, продолжает В. В. Мавродин, еще не лег тяжелый феодальный гнет. Основная масса людей „еще не успела превратиться в закупов и холопов, рядовичей и изгоев, в разного рода челядь княжеского, монастырского и боярского хозяйства. Они — подданные, а не рабы, они «вои», а не вооруженные холопы, они — совладельцы общинных земель и угодий, а не безземельные рабы, они — свободные, а не «челядь невольная», они — истцы и ответчики перед судом, а не бесправная масса крепостных“¹.

Оставляя в стороне неопределенность характеристики Руси начала XI века, „в победном марше“, „с невероятной силой рвавшейся вперед“, и не останавливаясь подробно на многочисленных исторических неточностях, допущенных автором,² приходится возражать против всего построения В. В. Мавродина в целом. Из приведенного текста получается, будто русская литература первой половины XI века отражала интересы народных масс. Это глубоко неверно, ибо дошедшие до нас памятники древнерусской литературы этой поры вышли из-под пера идеологов господствующего класса, отражая именно его интересы и умонастроение.

В дальнейшем изложении В. В. Мавродин снова сбивается на схему Н. К. Никольского и В. М. Истрина. При Ярославе Мудром, пишет В. В. Мавродин, „меняется и самый характер христианства. Греческое духовенство принесло на Русь монашеско-аскетическую струю. Появляются монастыри... и монашество. Так... обрусевшее христианство Владимира, проникнутое религиозным оптимизмом, жизнерадостностью, «мирским» духом, уступало свое место аскетическому христианству греков, чуждому «мира» монашеству и черному духовенству“.³ На этот раз, следуя уже за М. Д. Приселковым, В. В. Мавродин считает, что причиной происшедших перемен „являются прежде всего обстоятельства внешнего порядка“, главным образом борьба с печенегами, которая заставила Ярослава искать помощи у Византии и согласиться на устройство митрополии во главе с греком Феопемптом.⁴

На самом деле перелом в умонастроении господствующего класса нельзя объяснить ни „переломом в самом характере христианства“, ни „обстоятельствами внешнего порядка“, связанными с открытием в Киеве митрополии. Причину этого перелома следует искать в общественных

¹ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства, стр. 337; 2) Древняя Русь, стр. 243—244.

² Главная из них заключается в том, что из всего рассуждения В. В. Мавродина вытекает, будто феодальный способ производства на Руси возник только во второй половине XI века, между тем как феодальные отношения появились здесь за несколько столетий до этого. В отношении XI века можно говорить лишь о заметном усилении феодального гнета, который давал себя чувствовать и раньше. Отметим далее, что нельзя смешивать закупов и холопов, рядовичей и изгоев. Закрепощаемые свободные общинники вовсе не превращались в холопов; что же касается изгоев, состоявших преимущественно из бывших рабов, то положение их с развитием феодальных отношений не ухудшилось, а, может быть, даже несколько улучшилось. „Подданные“ киевского князя вовсе не превращались в рабов, а превращались в феодально зависимых людей (что далеко не одно и то же), так же как и „вои“ не превращались в вооруженных холопов (последних феодалы начали выводить на войну значительно позднее описываемого времени), и т. д.

³ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства, стр. 367; 2) Древняя Русь, стр. 262. Странно, что изменение характера христианства В. В. Мавродин приурочивает ко времени Ярослава Мудрого. Ведь творчество апологета и ближайшего сотрудника Ярослава — митрополита Илариона — как раз представляет собой образец „религиозного оптимизма“.

⁴ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства, стр. 367; 2) Древняя Русь, стр. 262—263.